

Русское крестьянство

Мир крестьянства в изображении Толстого гармоничен и самодостаточен. Писатель не считал, что крестьяне нуждаются в каком-либо интеллектуальном воздействии: никто из героев-дворян и не помышляет о том, что крестьян нужно «развивать». Напротив, часто именно они оказываются ближе к пониманию смысла жизни, чем дворяне. Безыскусную одухотворенность крестьянина и сложный духовный мир дворянина Толстой изображает как различные, но взаимодополняющие начала национального бытия. При этом сама способность устанавливать контакт с народом — показатель нравственного здоровья толстовских героев дворян.

Толстой неоднократно подчеркивает зыбкость межсословных границ: общее, человеческое, делает их «прозрачными». Например, ловчий Данило исполнен «самостоятельности и презрения ко всему в мире, которое бывает только у охотников». Он позволял себе «презрительно» смотреть на барина — Николая Ростова. Но для того «презрение это не было оскорбительно»: он «знал, что этот все презирающий и превыше всего стоящий Данило все-таки был его человек и охотник» (т. 2, ч. 4, III). Во время охоты все равны, все подчиняются однажды заведенному порядку: «Каждая собака знала хозяина и кличку. Каждый охотник знал свое дело, место и назначение» (т. 2, ч. 4, IV). Только в пылу охоты ловчий Данило может обругать Илью Андреевича, упустившего волка, и даже замахнуться на него арапником. В обычных условиях такое поведение крепостного по отношению к барину невозможно.

Встреча с Платоном Каратаевым в бараке для пленных стала важнейшим этапом духовной жизни Пьера Безухова: именно этот солдат-крестьянин вернул ему утерянную веру в жизнь. В эпилоге романа главным нравственным критерием для Пьера становится возможное отношение Каратаева к его деятельности. Он приходит к выводу, что тот, пожалуй, не понял бы его общественной деятельности, но наверняка одобрил бы семейную жизнь, так как во всем любил «благообразие».